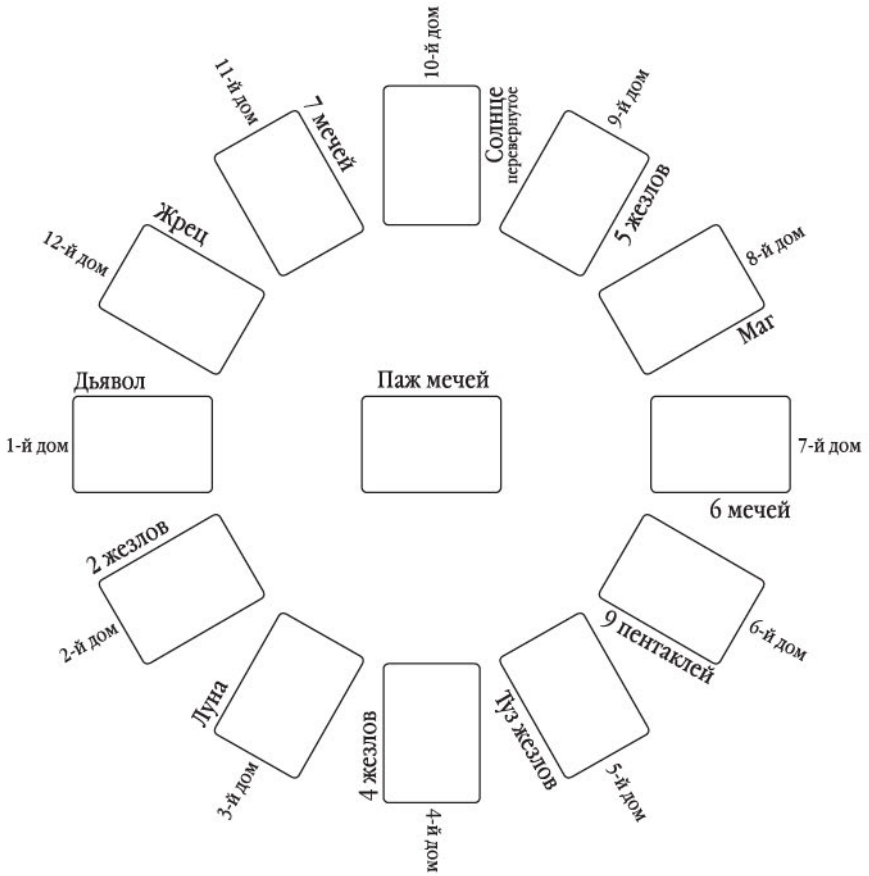

ГОРОСКОП ТАРО ДЛІА КЕТАНА

О святилище Гунноры и о скрытой в нем в год Красного Вепря тайне

История Арвона записана во множестве хроник, потому что древность этой земли не вообразить людям, хотя бы те унаследовали от Древней расы долгий век жизни. Одни предания почти забылись, оставив в памяти сказителей лишь клочки да обрывки. Другие сложены недавно и подробны. Но в стране, где знают и используют Силу, чудеса следуют за ней, как тонкорунные овцы в Долинах следуют за дудочкой пастуха.

Арвон сохранил немного воспоминаний о Семерых Владыках и о тех, кто правил до них и чей суд еще жив в этой стране. Даже владеющие Силой не знают и не узнают всего.

Кто такая Гуннора? Может быть, она была Мудрой и стояла так высоко, что после ее кончины пошли слухи, будто была она не женщиной из плоти и крови, а бестелесным духом? Если и так — тропу к этой истине давно затянуло туманом. Но влияние Гунноры осталось, и все женщины знают это и черпают из этого силу. Потому что символ Гунноры — спелые колосья, переплетенные со зрелыми виноградными лозами. Амулет с этим знаком носит каждая женщина, она касается его в миг зачатия и крепко сжимает, когда приходит время рожать.

К святилищу Гунноры приходят те, кому в гадании выпали неясные руны; у нее просят средства от бесплодия и для облегчения родов.

В святилище Гунноры и начинается хроника Кетана: если говорить простым языком моей страны, а не высокой речью

сказителей, — моя история. Однако случившееся в том святилище в день моего рождения долго оставалось тайной. И лишь чудо открыло ее свету и глазам людей.

Четыре клана: Красные мантии, Золотые мантии, Голубые и Серебряные мантии — держатся старого обычая в наследовании. Власть главы рода переходит не к его сыну, а к сыну его родной сестры, потому что кровное родство в кланах ведется по женской линии. Владение Кар До Прон должен был унаследовать сын Ироизы.

Ее брат, владетель Эрах, женился рано и уже имел сына Магуса и дочь Тэйни (тогда еще в колыбели), а Ироиза не спешила принять в свои покои мужчину. Она была яростно горда, Дар же ее был невелик. В ранней юности она училась у Мудрых Гарт-Хауэла, и одну из их числа, Урсиллу, привела с собой в Кар До Прон, когда ее призвали вернуться.

Ироиза твердо верила, что со временем родит сына, который займет место вождя. И вылепить этого сына, его тело и душу, собиралась она со всем тщанием, чтобы, когда воины поднимут его на щите и прокричат его имя в четырех углах Большого зала, он стал править не по своей, а по ее воле. В этом замысле ее поддерживала Урсилла, и к услугам Ироизы были все познания Мудрой.

Никто не мог бы назвать отца ребенка, которого она понесла в начале весны года Красного Вепря. Ироиза вольна была избрать себе мужчину для краткосрочного союза. Исподволь шептались, что мужчину этого привела ей Урсилла, но лучше было не копать слишком глубоко, чтобы не открылось не вполне человеческое — или более чем человеческое — происхождение наследника. Ведь Ироиза не сомневалась, что носит сына. И Урсилла поддерживала ее в этой убежденности.

В месяц Снежной Птицы госпожа Ироиза со своими прислужницами и Урсиллой отправилась в святилище Гунноры, потому что Мудрая Урсилла, гадая на роды, получила невнятный ответ. Ее беспокойство передалось Ироизе, и та решила, что никакая помощь в осуществлении пожирающих ее желаний не будет лишней. И вот по гладкому пути, потому что снег еще укрывал землю (хотя в полдень в воздухе уже чувствовалось весеннее тепло), они отправились в святилище.

У Гунноры не было ни жриц, ни служительниц. Взыскующие ее помощи не видели ее, хотя порой ощущали ее присутствие. И так, по приезде их никто не встретил. Только в конюшнях, поодаль от святилища, стояли две лошади да во дворе метался, как запертый в клетку дикий кот, мужчина, не смеявший войти во внутренние помещения, принадлежащие одной Гунноре.

Незнакомец взглянул на вошедшую Ироизу, неуклюжую из-за раздувшегося чрева. И тотчас отвернулся, как если бы опасался поступить невежливо. Поэтому он не заметил долгого оценивающего взгляда Урсиллы и не видел, как нахмурилась Мудрая, проходя мимо, словно ее краешком задела некая тревожная мысль.

Впрочем, подопечная скоро отвлекла ее от раздумий, потому что госпожа Ироиза, как видно, ошиблась в сроках и время ее подошло. Ее уложили в одной из маленьких келий, где с ней осталась только Урсилла, остальные же дожидались за дверью.

В воздухе висел сладостный аромат, словно кругом обильно цвели летние луга, и Ироизе мнилось, будто она гуляет в цветнике большого сада. Боль была, но была далекой, как бы отдельной от ее тела и ничего не значила. Зато в женщине зарождалась великая радость, какой прежде не ведала ее холодная, коварная душа.

Она не знала, что в соседней келье святилища лежала другая женщина и при ней была Мудрая из соседней деревни. Та роженица тоже видела радостные сны, ожидая, когда дитя окажется в ее объятиях и прижмется к полному любви сердцу.

Ни одна из женщин не знала, что собирается буря, а вот метавшийся по двору мужчина вышел к воротам и, глядя на черную гору туч, беспокойно вздрогнул. Он думал, что хорошо изучил все капризы погоды, но такой набрякшей тишины под темным облачным сводом не видел много лет. По своей природе мужчина был открыт Силам, недоступным арвонским мужам. И сейчас, быть может, одна из тех Сил собиралась явиться угрозой всему, что было под ней.

Руки его легли на пояс, пробежались пальцами по всей длине ремня, словно искали чего-то и не находили. Но он не опус-

кал головы, глядя на тучи с угрюмым вызовом, готовый встретить то, что — он готов был поверить — подгоняло их. Одет он был просто: в коричневый дублет без рукавов поверх рубахи цвета лесной зелени. Плащ он бросил во дворе. Зеленые штанины были заправлены в тусклые коричневые сапоги для верховой езды.

Но и в такой одежде трудно было счесть его земледельцем или даже хозяином маленького незначительного поместья. Густые темные волосы уходили ото лба острым углом, и глаза на его обветренном дотемна лице были странные — карие с желтизной, как глаза большой кошки. И взглянувший в них поторопился бы отвести взгляд от этого властного лица, угадывая, что этот человек послушен только собственной воле.

Сейчас его губы беззвучно шевелились. Рука, оторвавшись от пояса, начертила в воздухе какой-то знак. В тот же миг пронзительно заржали лошади. Неизвестный быстро обернулся туда, хотя угол здания скрывал от него конюшню. Когда конь заржал снова, человек метнулся от ворот, подхватил лежавший на земле плащ и бросился к оставленным в конюшне лошадям.

Там он нашел приехавших из Кар До Прона мужчин — они спешили укрыть своих животных от бури. Но два коня, оставленных здесь раньше, ржали и били копытами по воздуху, словно обученные яростному бою кони Долин, и слуги со стражниками, хоть и бранились и тянули руки к колчанам у седел, ближе подойти не решались.

Скакуны, защищавшие сейчас от вторжения свои владения, выглядели необычно. Шкура их была в серых и черных пестринах, перемешанных и сливающихся так, что среди игровых лесных бликов скрыли бы коней от любого взгляда. И ноги у них были длиннее обычного, и тела стройнее.

Эти кони, когда вбежал незнакомец, обернули к нему головы и заржали, жалуюсь и приветствуя. Мужчина, не сказав ни слова, протолкался мимо людей замка к своим коням. Те сразу присмирели и теперь только раздували ноздри да фыркали. Хозяин погладил их по выгнутым шеям, по бокам, и они без звука позволили отвести себя в глубину конюшни.

— Они вас не тронут, только держитесь на своем конце, — коротко, тоном приказа бросил мужчина.

Начальник конвоя помрачнел. В другом месте он не спустил бы простолюдину такого тона. Но здесь было святилище Гунноры. Ни один мужчина не посмел бы проверить, что будет, если обнажить клинок, — орудиям смерти не было места в храме жизни. И все же он кинул на незнакомца взгляд, не суливший тому добра при будущей встрече.

Среди людей Кар До Прона был один, не сводивший взгляда с незнакомца, который стоял между своими конями, придерживая их за шеи, а те склоняли к нему узкие морды, а один даже прихватил зубами за волосы. Пергвин в былые годы служил госпоже Элдрис, матери владетеля Эраха и его сестры Ироизы. В глубине его памяти что-то шевельнулось, но этим воспоминанием он ни с кем здесь не стал бы делиться. Если он не ошибся в своих подозрениях... Какая невероятная случайность свела их в этот день и в этот час? Как бы ему хотелось обратиться к незнакомцу, назвать его неким именем и посмотреть, отзовется ли он. Если бы не клятва, которую он произнес после того, как изгнанник вышел за ворота Кар До Прона, чтобы больше не возвращаться...

— Пергвин! — Оклик командира призвал его помочь с собственными лошадьми, ибо налетел шквал, способный раздавить любое ничтожное человеческое существо.

Хлынувший ливень скрыл от них двери стоявшего в нескольких шагах святилища. Налетевший вихрь хлестал ледяными струями, пока люди не сумели закрыть и заложить засовом двери. Да и сами стены конюшни угрожающе содрогались.

Незнакомец оставил своих коней, подошел к двери и опустил ладонь на засов. Но командир стражи, Кадок, поспешил оттеснить чужака от выхода.

— Не тронь, и так хорошо. — Ему пришлось повысить голос почти до крика — вой ветра за стенами оглушал людей. — Ты хочешь испытать ярость этих туч?

И снова пальцы неизвестного легли на пояс, пробежали по нему взад-вперед, ища чего-то. При нем был короткий меч, но

это оружие — а скорее орудие лесного жителя, пригодное на все случаи жизни и лишь в последнюю очередь для битвы, — плотно сидело в ножнах.

Кадок, хоть и был сердит, смутился под устремленным на него взглядом незнакомца. Но отступить не отступил, и тогда тот после короткой борьбы взглядов отошел, вернулся к своим лошадям, стал их гладить. Пергвин, украдкой взглянув на него, заметил, что глаза мужчины закрыты и губы выговаривают слова, которых он не мог или не смел произнести вслух. У следившего за ним Пергвина возникло чувство неловкости, почти стыда, словно он подглядывал за человеком, занятым чем-то очень личным. Стражник поспешно отвернулся, присоединившись к своим несчастным товарищам, которые втягивали головы в плечи при каждом порыве ветра, избивавшего их показавшееся вдруг совсем хлипким убежище.

Их кони, в отличие от успокоившихся теперь коней незнакомца, выказывали признаки паники. Людям пришлось потрудиться, чтобы лаской успокоить животных. Занимаясь лошадьми, они отчасти забыли собственные страхи.

Ироиза в святилище не замечала ярившейся за стенами бури. А вот Урсилла, ухаживая за госпожой, слышала вопли ветра, ощущала удары стихии, доходившие к ней сквозь плоть древней постройки. В ней нарастали страх и удивление, из головы не шла мысль о знамении. Ей бы прибегнуть к Силе, чтобы истолковать значение обрушившейся на них ярости. Но Мудрая, сосредоточившая все свое искусство на исполнении их общего с Ироизой желания, не решалась отвлечься.

Лежавшая в соседней келье женщина наполовину пробудилась от навеванной Гуннорой дремоты. Она нахмурилась, приподняла руку, словно заслоняясь от угрозы. Опекавшая ее Мудрая взяла роженицу за руки, пожелала возвращения мира и покоя. Сила деревенской колдуньи была невелика. По сравнению с тем, что могла бы призвать Урсилла, ее старания были подобны ученическим попыткам юной девы. Но покой и пожелание добра, вытекая из ее рук, утишили страхи, зародившиеся на краю сознания роженицы. Коснувшаяся ее смутная тень бежала.

В самый разгар бури прозвучали крики новорожденных — одновременно, словно в одной келье отозвалось эхо из другой. Урсилла осмотрела младенца, которого приняла на руки. Ее лицо исказилось, губы скривила злая гримаса.

Ироиза открыла глаза, огляделась, приходя в себя. Борьба окончена, то, что она замыслила, ради чего трудилась, достигнуто!

— Покажи мне сына! — воскликнула она.

Урсилла отозвалась не сразу, и тогда Ироиза приподнялась на ложе.

— Что с ребенком? — требовательно спросила она.

— Ничего, — медленно ответила Урсилла, — кроме того, что ты родила дочь.

— Д-д... — Казалось, дрожащие губы Ироизы не в силах повторить этого слова. Пальцы ее так стиснули складки покрывала, словно готовы были порвать на полосы прочную материю.

— Не может быть! Ты заклинала Силы в ту ночь, когда... когда... — Она задохнулась. Гнев маской лег на лицо. — Гадания! Ты заверяла меня...

— Да. — Урсилла заворачивала младенца в пеленку. — Сила не лжет, а значит, должно быть средство...

Ее лицо застыло, глаза в упор взглянули на Ироизу. Но в этом взгляде не было мысли. Казалось, дух Урсиллы покинул тело, отыскивая ответ где-то вдали.

Ироиза уставила на нее острый взгляд и молчала. Она не уделила ни единого взгляда захныкавшему на руках Урсиллы ребенку. Вся она целиком отдалась жадному созерцанию Мудрой. Она чувствовала присутствие Силы. Начатков ее знаний хватило, чтобы понять: Урсилла сплетает собственное заклятие. Но, хотя уста Ироизы воздержались от новых упреков, она мяла и рвала покрывало судорожными движениями, даже не пытаясь сдержаться.

Разум возвратился в глаза Урсиллы. Она повернула голову, подбородком указала на стену по левую руку:

— Там то, что тебе нужно. Мальчик, рожденный в тот же миг, когда ты принесла...

Ироиза ахнула. Выход — единственный выход!

— Как?.. — начала она.

Урсилла жестом приказала ей молчать. По-прежнему держа младенца на сгибе левой руки, Мудрая обернулась лицом к стене. Ее правая рука поднималась и опускалась, кончик пальца чертил на поверхности этой преграды знаки и символы. Одни на миг вспыхивали красным, словно в них мерцали искры очага. Другие пропадали так быстро, что Ироиза не могла уследить за ними.

Выводя знаки, Урсилла пела. Голос поднимался и падал, выговаривая слова, называя имена. Но ни разу он не поднялся громче шепота. И все же Ироиза слышала его за рокотом бури. Раз или два названные имена заставили ее вздрогнуть и съежиться, но возразить она не пыталась. Она жадно наблюдала, ее терзал яростный голод по тому, чего она хотела больше всего.

Урсилла закончила.

— Дело сделано, — сказала она Ироизе. — Я навела чары забытья. Те, за стеной, теперь спят. А когда проснутся, увидят ребенка, которого сочтут своим.

— Да! Действуй, быстрее, быстрее! — торопила Ироиза.

Урсилла скрылась, а ее госпожа откинулась на ложе. Одно дело сделано — она родила наследника Кар До Прона. В грядущие годы — глаза ее сияли — он... она будет там хозяйкой. А полновластно распоряжаясь землями, держа наследника в своих руках и располагая помощью Урсиллы, чего только она не добьется в свой срок! Она громко смеялась, когда вернулась Урсилла, снова держа на сгибе руки младенца в пеленке.

Подойдя, она протянула Ироизе дитя:

— Твой достойный сын, госпожа. — Она произнесла старинное обращение к роженице. — Взгляни на него, дай ему имя, чтобы в жизни перед ним пролегла прямая дорога.

Ироиза неумело приняла ребенка. Она заглянула ему в лицо, увидела крепко зажмуренные глаза с темными ресницами, маленький кулачок во рту. Мальчик был темноволосым. Что ж, это подходит. Ее волосы почти того же оттенка. Она сдвину-

ла пеленку, чтобы осмотреть тельце. Да, все как надо, ни одной метки, которая бы позволила когда-нибудь усомниться в его правах.

— Он Кетан, — поспешно, словно кто-то мог оспорить ее право на имя и владение, проговорила она. — Он истинно мой сын, наследник Кар До Прона, и я клянусь в том перед Силой.

Урсилла склонила голову.

— Я позову твоих женщин, — сказала она. — Нам надо отправляться, едва закончится буря.

Ироиза с беспокойством кивнула на стену:

— Ты сказала, они не узнают.

— Это так... пока. Но чем дольше мы задержимся, тем больше случайностей грозят опрокинуть наши планы, хотя я и не пожалела могучих заклятий на их исполнение. Она... — Урсилла запнулась. — Та мать... в ней есть какая-та странность. Крупица Дара...

— Тогда она узнает!

Ироиза так прижала к себе ребенка, что тот проснулся и пискнул, замахал кулачками, словно пробивал себе путь к свободе.

— Дар у нее, может, и есть, — возразила Урсилла, — но не чета моему. Ты же знаешь, мы умеем оценить себе подобных.

Ироиза кивнула:

— Но лучше нам уехать. Пришли ко мне женщин — пусть увидят ребенка и с первого часа знают, что он Кетан и принадлежит мне одной.

В соседней келье встрепнулась мать. Тень тревоги снова легла на ее лицо. Она шевельнула головой на подушке, открыла глаза. Младенец лежал на длину пальца от нее. И над ним склонялась Мудрая.

— Ах, моя госпожа, хороша доченька. Вот уж хороша! Твоя достойная дочь, госпожа. Взгляни на нее, дай ей имя, чтобы в жизни перед ней пролегла прямая дорога.

Мать радостно привлекла к себе ребенка:

— Она Айлинн, воистину моя дочь и дочь моего господина. О, скорей позови его, потому что теперь, когда Гуннора покинула меня, мне неспокойно. Скорей иди за ним.

Она прижимала к себе ребенка и ласково ворковала. Айлинн открыла глаза и пискнула, словно сомневаясь, так ли хорош мир. Женщина радостно засмеялась:

— А, доченька, добро пожаловать. Трижды и четырежды мы рады тебе. И право, жизнь твоя будет лучше моего детства. Тебя защитят мои руки, будет хранить Сила моего господина, и наши сердца — в твоих ладонях!

Буря за стенами утихала. Незнакомец с трудом выбрался из конюшни и у дверей святилища встретил Мудрую. Спеша к жене, он слышал голоса за стеной, но ему не было до них дела. Он и не заметил, как на рассвете следующего дня люди из Кар До Прона уезжали, увозя на носилках свою госпожу с ее сыном. Трое оставшихся немного спустя тоже уехали. Они обратили лица к северу, к глуши лесов, которые называли своим домом.

О наследии Кетана и жизни в Кар До Проне

Кар До Прон — не самое большое из владений, которые присягнули на верность главе Красных мантий, и не самое богатое. Но то, что лежит в его границах, радует взор. Вишневые и яблоневые сады не только плодоносят в должный срок, но и дают сидр — напиток, пользующийся в Арвоне небольшой славой. Есть там и злаковые поля, к осени всегда приносящие обильный урожай. Есть и овечьи отары, и хорошие стада. В центре этой улыбающейся, плодоносной страны стоит замок, а около него — небольшая деревня. Она открыта солнцу, карнизы остроконечных крыш украшены затейливой резьбой. Стены домов из светло-серого камня, крыши из шифера, а резные руны расцвечены зеленью и золотом. Но сам замок, хотя и выстроен из того же камня, не блистает красками. На его башнях лежит тень, словно над ними зависло невидимое облако. В его стенах даже в летний зной обитает холодок, которого никто, кроме меня, как будто не замечал. Я же часто чувствовал, как что-то не близкое человеческому роду движется по его древним коридорам и таится в углах полутемных комнат.

Едва я начал что-то понимать, моя благородная мать внятно объяснила мне, что в будущем мне предстоит здесь править. Но ее обещания не внушали мне гордости. Я гадал, вправе ли человек называть себя повелителем этого населенного призраками места. Быть может, природная молчаливость служила мне защитой — я никогда не рассказывал ни матери, ни Урсилле (перед которой страшно робел) о своих странных и тревожных фантазиях касательно Кар До Прона.

До шести лет я оставался в Женской башне, где, кроме меня, из детей жила только дочь Эраха госпожа Тэйни, годом старше меня. Мне с малолетства твердили, что мы связаны судьбой, что, когда придем в возраст, нас ждет помолвка, которая крепко свяжет нас обоих с судьбами рода, — впрочем, в те годы меня это мало занимало, как, наверное, и ее.

Тэйни была высока для своих лет, много знала и не чуждалась хитростей. Я скоро понял, что за любую нашу открывшуюся проказу вина падет на меня одного. Не могу сказать, чтобы она мне нравилась или не нравилась. Я ее принимал, как принимал одежду на теле и еду на тарелке.

Ее брат Магус — дело иное. Он был лет на шесть старше меня и жил в башне Отроков, заходя к нам только повидать свою бабушку, благородную Элдрис. Мать его умерла от лихорадки вскоре после рождения Тэйни. Я говорю «его бабушку», хотя, судя по всему, и я был ее внуком. Однако госпожа Элдрис не скрывала своих предпочтений и либо не замечала меня, либо, стоило мне попасться ей на глаза, находила, к чему придраться, так что я обходил ее комнаты стороной.

Наша семья была странной, хотя тогда это не приходило мне в голову. Я готов был поверить, что так живут все семьи. Госпожа Элдрис редко покидала свою часть башни, и Тэйни полагалось бы оставаться с ней, хотя она ходила, куда хотела, — нянька ее была стара, туповата и основательно ленива, а потому присматривала за подопечной не так строго, как требовал обычай.

При Магусе я всегда был начеку. Он, когда мы оставались наедине (а я, как мог, старался, чтобы такое случалось пореже), не скрывал дурных чувств ко мне. Он был яростно горд, его одолевало такое же честолюбие, какое я знал за своей ма-

терью. Его с детства снедала мысль, что не он унаследует владения после отца, и мысль эта крепла с годами, так что под конец он возненавидел меня — если не за меня самого, то за место, которое я занимал в доме.

Моя мать Ироиза и Мудрая Урсилла жили в покоях на верхнем уровне башни. Мать много занималась домашними делами. Не знаю, пришлось ли ей когда-то помериться силой воли с госпожой Элдрис и пересилить ее. Однако теперь в отлучки владетеля Эраха госпожа Ироиза вершила суд в Большом зале и отдавала приказы. Меня она в таких случаях сажала рядом на маленькой табуреточке за креслом владетеля с наброшенной на его спинку Красной мантией клана и заставляла слушать, как она судит. После она объясняла мне свои решения, основанные на обычном праве или на ее собственных суждениях.

Я, еще маленьким, чутьем угадывал, что ей хотелось бы навсегда оставить за собой это кресло. Казалось, в ее женском теле обретались все свойства, которые мир приписывал мужчине, и она билась в узких рамках обычаев, ограничивавших ее жизнь. Лишь в одном она была свободна — в обращении с Силой.

Из всех обитателей замка моя мать признавала выше себя одну только Урсиллу. Я знал, что познания и Дар Мудрой были для госпожи Ироизы предметом вечной зависти. Мать и сама обладала толикой Дара, но ей не хватило способности к долговому учению и дисциплины духа, чтобы сравняться с наставницей, и матери достало ума признать свою слабость. Однако во всех других делах она никому не желала уступать.

Ироиза не сумела обуздать собственные желания и чувства, а без этого нельзя было продвинуться в познании Иных путей, которым ее обучали в юности. Даже не будь она сосудом для будущего наследника Кар До Прона, все равно не сумела бы выучиться на колдунью. А такое желание, неисполнимое по собственной слабости, омрачает и искажает душу неудачника. Не обладая властью одного вида, она рвалась к превосходству в другой. И на нее устремила всю силу своего честолюбия.

Я говорил, что робел перед Урсиллой и рад был бы не встречаться с ней. Однако Мудрая занималась мной не менее, чем принуждавшая к учению мать. Правда, та область Силы, которая подвластна колдуньям, не схожа с Силой колдунов и чародеев, но Урсилла учила меня тому, что считала нужным, тщательно, как я потом понял, устраняя из своих уроков все, что помогло бы мне избежать судьбы, которую они мне предназначили.

Это Урсилла научила меня читать руны по тщательно отобранным древним пергаментам, посвященным большей частью истории четырех кланов Арвона и Кар До Прона. Не будь во мне любопытства к таким делам, эта учеба показалась бы мне скучной и трудно было бы принудить меня ко вниманию. Но во мне проснулась страсть к хроникам, которые Мудрая считала полезными для моего образования, и учился я с жадностью.

Я узнал, что Арвон не всегда пребывал в сонном покое золотых дней, представлявшихся ныне бесконечными. В его прошлом (счет лет затруднялся тем, что составители хроник не удосужились отмечать годы) шла борьба, едва не разрушившая весь жизненный порядок.

До Великой Смуты наши нынешние владения не ограничивались с юга и востока горами, а простирались дальше — на востоке до легендарного моря, а на юге — до земель, ныне давно забытых. Однако люди Арвона всегда обладали большей или меньшей мерой Дара, а наши господа и правители часто были и повелителями Силы. Они взялись за опыты с самой Силой жизни, создавая для себя слуг, а порой — безрассудно добываясь гибели своих врагов и Иных — ужасных существ. Честолюбие их зачастую не уступало честолюбию моей матери, и каждый стремился утвердить на всей земле одну свою волю.

Они пробудили многое, чего никак нельзя было вызывать к жизни, — открыли Ворота в странные и пугающие Иные миры. А потом развязали войну, опустошившую немалую часть страны. Силы, которые они выпустили на волю, были подобны чуме и порой уничтожали даже Владык. Когда их осталось мало, воители потянулись домой — в сердце собственной

страны. Одни, в отчаянном страхе перед вышедшими из-под их власти созданиями, спешили вернуться. Другие медлили, пока было можно, — так глубоко вросли они корнями в новые владения, что уход представлялся им мучительным изгнанием. Из этих последних не все вернулись в Арвон.

Быть может, на юге Долин, заселенных теперь людьми Иной расы, до сих пор еще прозябали они или их потомки. Но так ли это, никто у нас не знал. Потому что после последнего отступления пути из Арвона запечатали чарами, накрепко заперев его границы.

И все же не все отступившие были довольны спасением от последствий своей глупости. Они вновь и вновь бросали вызов своим собратьям до того дня, когда Семеро Владык разъярились и грянула последняя ужасная битва между избравшими путь войны и другими, желавшими только покоя или, может быть, забвения.

Тогда многие из Великих, использовавших Силы по своей прихоти, были изгнаны за Ворота в Иные миры и времена или угасли, до конца истощив свой Дар. После того и их сторонники отправились в изгнание на предназначенный срок.

Когда я наткнулся на эту историю в хрониках, я спросил Урсиллу, возвращался ли кто-либо из тех скитальцев. Не знаю, почему это было так важно для меня, разве что мое воображение поразила мысль, что и меня могли так же отослать из Арвона и обречь на безнадежные скитания в чужом мире.

— Кое-кто вернулся, — кратко ответила она. — Но только из меньших. Великие не возвратятся. Это теперь не важно, Кетан. И тебя не касается, мальчик. Радуйся тому, что родился здесь и сейчас.

Она всегда говорила со мной резко, словно ежеминутно ждала от меня той или иной провинности. Часто, оторвавшись от чтения, я ловил на себе ее взгляд, такой острый, что в голове сразу всплывали все грешки, в каких я был повинен, и я принимался ерзать на табурете, ожидая, что она, сломив мою волю своей, добьется признания. Но такого никогда не случилось.

Жизнь моя переменялась с достижением возраста, когда мальчик, по обычаю, должен был переселиться в башню От-

роков и начать обучение воинским искусствам (хотя войн уже много лет не бывало, помимо редких набегов диких горцев). В ночь накануне того дня Урсилла и Ироиза увели меня во внутренние покои, где Урсилла устроила свое святилище, если слово «святилище» тут подходит.

Стены здесь не были занавешены коврами. На гладком голем камне потускневшими от времени красками были начертаны знаки и руны, прочесть которые я не умел. Середину занимала каменная плита, на какой мог бы улечься взрослый мужчина. В изголовье и в ногах этого ложа стояли свечи — четыре свечи толщиной с мою детскую руку — в высоких серебряных подсвечниках, помятых и стертых, словно они существовали с незапамятных времен.

Над этим ложем висел шар, излучавший серебристый лунный свет. Я не увидел поддерживавшей его в воздухе цепи. Казалось, он висел на невидимой нити, а вокруг камня на полу была начерчена пятиконечная звезда. Ее линии блестели, словно их только что подновили кистью.

В каждом луче звезды стоял высокий подсвечник, поддерживавший восковые цилиндры на уровне плеч Урсиллы, высоко над моей головой. Свечи в ногах и изголовье каменной постели были красными, а эти, в глазах, желтыми.

По углам комнаты стояли курильницы из такого же серебра, что и подсвечники, и каждая источала пахучий дым, который струйками уходил к потолку, где собирался в плотное облако.

Урсилла сбросила свое обычное тускло-серое одеяние и головной убор из заглаженного складками полотна, всегда скрывавший ее волосы и обрамлявший худое острое лицо. Теперь руки ее были обнажены до плеч, в темных волосах, ниспадающих на синее платье, блестели серебряные нити, а ткань платья словно притягивала свет серебряной луны над нами и смущала глаз переливами.

На груди ее лежало тяжелое ожерелье, тоже серебряное, с лунными камнями, в млечной глубине которых виднелись голубые отблески зимнего льда. А подвеска изображала полную луну.

Моя мать тоже отказалась от обычной одежды. Только она, в отличие от Урсиллы, сменила богатый наряд на более скромный. Отделка ее платья отливала рыжими отблесками огня, а распущенные волосы ниспадали темным плащом. Ее грудь украшала не луна, а простой овал из меди без узора и драгоценных вставок.

Мать ввела меня в комнату. Теперь она встала у самой звезды, меня поставила перед собой и крепко держала за плечи, словно боялась, что я сбегу. Но я был так ошеломлен увиденным, что даже не думал о том, какая роль мне здесь уготована.

Урсилла шагнула к каменной плите и указала пальцем на каждую свечу по очереди, вызвав огоньки на занявшихся фитилях. Наконец осталась незажженной только та свеча, что стояла прямо передо мной и матерью.

Тогда мать подтолкнула меня вперед, внутрь начертанной на полу звезды. Она быстрым движением подхватила меня и уложила навзничь на каменный стол. Меня тотчас охватила сонливость, я не мог шевельнуться. И страха во мне не было.

Последнюю из звездных свечей увенчали пламенем. Затем Урсилла такими же движениями зажгла свечи у меня в изголовье и в ногах. Собравшееся под потолком мягкое серое облако затлело огнем. Меня потянуло закрыть глаза. Слабо, издалека, доносилось пение. Но слова для меня, соскальзывавшего в сон, не имели смысла.

Проснулся я ранним утром в собственной постели. В памяти не сохранилось ни следа видений из того странного сна. А вот память о том, что произошло вначале, держалась цепко. И снова как ни мал я был, но чувствовал, что о смысле случившегося допытываться бесполезно. Это была тайна из тех, о каких лучше молчать.

Начальник гарнизона Кадок и мой дядя Эрах выехали из крепости и увели большую часть воинов. Они отправились с дарами Жатвы — вином и зерном — во владения главы клана Красных мантий. И старшим остался тот, кто пришел за мной в это утро, — некий Пергвин, которого я не раз видел прежде, поскольку он всегда сопровождал госпожу Элдрис при ее выездах за стены замка.

С виду он был средних лет и никогда не отличался разговорчивостью. Товарищи уважали его за искусство мечника и наездника. Но он, как видно, не стремился занять более высокое положение среди приближенных Эрах и был доволен своим местом в жизни. Я встретил его настороженно, потому что за волнением и торжеством от долгожданного перевода в башню Отроков таилась мрачная угроза — там я буду в руках кузена Магуса. А Пергвин, принадлежавший к свите госпожи Элдрис, конечно, встанет на сторону моего мучителя.

— Господин Кетан, — почтительно обратился он ко мне, приветствуя жестом, каким приветствовали старших по званию. Затем он перевел взгляд на мою мать, стоявшую прямо, с ничего не выражавшим лицом — неизменно гладким, без морщин, словно она была еще юной девицей, и лишь блеск глаз выдавал душу, старую не только годами. — Госпожа, владетель Эрах поручил мне на время заботу о твоём сыне. С ним все будет хорошо.

Она кивнула:

— Я знаю, Пергвин. Сын... — Теперь она обращалась прямо ко мне. — Прими достойно то, что тебя ждет, оставь позади детство и сделай все, чтобы скорее стать мужчиной.

Мои восторги приутихли, а опасения возросли. Ведь в ту минуту я совсем не чувствовал себя мужчиной, а все больше и больше — ребенком, которому не на кого опереться. Этот Пергвин уведет меня из безопасной гавани, в которой я укрывался всю жизнь, отправит прямиком в Иной мир, где вся власть у Магуса, а у меня нет защиты. Я не надеялся дать отпор его издевкам — уже испробовав коварство, с каким он вовлекал меня в беду во время коротких визитов, когда я не имел возможности избавиться от его общества. Но просить помощи — ни у той суровой женщины, что звалась моей матерью, ни у этого чужого человека — я ни за что бы не стал. Как бы я ни был юн, я в душе твердо решил, что никто, и тем более Магус, не угадает, как мне страшно. Опуститься до такого позора я бы себе не позволил.

— Тебе будет одиноко, Кетан. — Я был благодарен Пергвину, что тот не взял меня за руку, как если бы вел к новой судьбе против воли. И говорил он со мной, как с равным по возра-

сту, без неловких попыток примениться к ребенку. — Господин Магус уехал с отрядом, везущим дары, так что башня Отроков пока что принадлежит нам с тобой.

Я надеялся, что сумел скрыть облегчение при его словах. Добрая судьба подарила мне по крайней мере время кое-что узнать о новой жизни, не остерегаясь постоянно своего кузена. На язык мне просились вопросы, но я молчал, опасаясь показаться ребенком.

Мы пересекли широкий крепостной двор и были уже у входа в башню, которой предстояло стать мне новым домом, когда услышали громкий лай. Невесть откуда выскочил большой пегий пес. Мне он показался огромным — губы его растянулись в угрожающем оскале, обнажив страшные клыки. Он уже готов был броситься на меня, но вдруг припал к земле, а рычание его перешло в скулеж. Я плохо разбирался в собаках, видел их только издали, но не сомневался, что такое поведение им не свойственно. Скуля, роняя слюну, пес надолго застыл передо мной. А потом с громким визгом попятился, рыча и щелкая зубами, словно столкнулся со слишком сильным врагом, и, поджав хвост, сбежал.

Я смотрел, онемев от изумления. Что могло так напугать собаку? Может быть, это Пергвин нагнал на нее такой ужас, защищая меня?

Но, повернувшись к спутнику, я увидел на его лице отражение собственного изумления. Он бросил на меня такой странный взгляд, как если бы я у него на глазах обернулся чудовищем. И чуть покачал головой, будто разгонял туман в мыслях.

— Вот так странное дело, — протянул он, кажется не обращаясь ко мне, а размышляя вслух. — Что это стряслось со Шнурком? — Он чуть свел брови, скрывая недоумение за недовольством. — Да, удивительное дело. Ну да ладно, нам бы поспешить, господин. Дело к полудню, а до вечера надо еще подобрать тебе коня...

Обед, принесенный мне Пергвином, оказался много проще того, что подавали у матери: кусок холодного мяса, сыр и хлеб. Но еда была вкусной, и я съел все до крошки. Споласкивая руки в тазу, я уже готов был к уроку верховой езды.

Содержание

ВОЛШЕБНЫЙ ПОЯС. Роман. Перевод Г. Соловьевой	5
ПРОКЛЯТИЕ ЗАРСТОРА. Роман. Перевод Г. Соловьевой	167
ТАЙНЫ КОЛДОВСКОГО МИРА	
Паучий шелк. Рассказ. Перевод Г. Соловьевой	293
Песчаная сестра. Повесть. Перевод Г. Соловьевой	335
Соколиная кровь. Рассказ. Перевод Г. Соловьевой	384
Наследство Сорнских трясин. Рассказ. Перевод Г. Соловьевой	401
Меч неверия. Повесть. Перевод Г. Соловьевой	412
Жабы Гриммердейла. Повесть. Перевод К. Королева	443
Подменыш. Рассказ. Перевод Г. Соловьевой	498
Улли-дудочник. Рассказ. Перевод Г. Соловьевой	527
Бездарный маг. Рассказ. Перевод Г. Соловьевой	538
Гнев оборотня. Рассказ. Перевод Г. Соловьевой	552
Дочь земли. Рассказ. Перевод В. Волковского	585